

М. В. ИВАНОВ

ЖИЗНЕННЫЙ СЮЖЕТ ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА ПРОППА

В настоящее время имя Владимира Яковлевича Проппа не нуждается в апологетике. Он признан мировой наукой как выдающийся фольклорист, принесший славу филологии России. Но при знакомстве с его жизнью возникает чувство недоумения: как замечательный человек, выдающийся исследователь фольклора, талантливый педагог, крупный мыслитель сочетал свою деятельность с тяжелейшими бытовыми условиями, с угрозой быть репрессированым, с долгим служебным и профессиональным непризнанием? В книге А. Н. Мартыновой¹ мы обнаружим «параллельное», очень добросовестное повествование о Проппе-ученом и Проппе-человеке, написанное рукой компетентного фольклориста и благодарной ученицы, но ответа на поставленный вопрос не найдем. Иначе предложила осмыслить образ Проппа С. Б. Адоньева: «Причина, вследствие которой слово ученого становится авторитетным <...>, лежит в области личностных характеристик»².

Исследование личности ученого в целостности его житейского пути и творчества требует применения методов исторической психобиографии. Жизненный сюжет Проппа располагает к изучению того, как Владимир Яковлевич в осмыслении фольклора искал ответ на вопросы смысла своего персонального бытия. Психобио-

¹ Мартынова А. Н. Владимир Яковлевич Пропп. Жизненный путь. Научная деятельность. СПб., 2006.

² Адоньева С. Б. Книга Э. Э. Уорнер о Владимире Яковлевиче Проппе в русском издании // Уорнер Э. Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб., 2005. С. 3.

графическое исследование ориентировано прежде всего на психологию личности³ и на культурно-психологический контекст⁴. Наиболее полно структурная концепция современной личности разработана в рамках гуманистической психологии (А. Маслоу⁵). Динамический аспект самореализации на различных возрастных этапах представлен в эпигенетической теории Э. Эриксона⁶. В рамках этих направлений используются достижения многих психологических школ (психоанализа, гештальт-психологии, символического интеракционизма, необихевиоризма)⁷.

А. Маслоу понимал самоактуализацию как «стремление человека к самовоплощению, к актуализации заложенных в нем потенций. Это стремление можно назвать стремлением к идиосинкразии, к идентичности»⁸. Владимир Яковлевич Пропп достиг в данных ему исторических условиях максимально возможного уровня самоактуализации. Хотелось бы выделить два важнейших момента. Первый — это деятельное и свободное стремление к предельному совершенству в творчестве. Пропп писал о себе: «Моя система: делать прежде всего то, что хочется и что только один я могу»⁹. Второй момент — это готовность отвечать за свою судьбу, не ссылаясь на враждебные обстоятельства. Пропп высказал важную мысль, что препятствия не просто объясняют неудачи, но и служат мерилом стойкости, смелости и целеустремленности — мерилом масштаба личности: «Во многих комедиях человек вынужден поступать вопреки своей воле потому, что обстоятельства оказываются сильнее его. Но сила обстоятельств одновременно свидетельствует о слабости и неустойчивости тех, кто этими обстоятельствами бывает побежден»¹⁰.

Детство и отчество Проппа прошло в сравнительно благополучных условиях — как у ребенка из состоятельной семьи среднего класса. «Я прожил хорошо, у меня было счастливое детство», — так

³ Логинова Н. А. Психобиографический метод исследований и коррекции человека. Алматы, 2001.

⁴ Иванов М. В. Историческая психология личности. СПб., 2006.

⁵ Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.

⁶ Эрикson Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

⁷ В монографии «Университетские филологи» я посвятил творческому пути В. Я. Проппа главу, где попытался сочетать указанные психобиографические подходы, не акцентируя внимания на психологико-теоретической аргументации (Иванов М. В. Поднявший перчатку // Иванов М. В. Университетские филологи. СПб., 2009. С. 5–63).

⁸ Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб., 2001. С. 90.

⁹ Неизвестный В. Я. Пропп. Древо жизни. Дневник старости / предисл., сост. А. Н. Мартыновой; подгот. текста, comment. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб., 2002. С. 295.

¹⁰ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 75.

писал 70-летний Пропп¹¹. Он был убежден: «Наша оценка человека, пока мы его еще не узнали, непроизвольно положительна»¹². Но такое может утверждать только человек, у которого в первый год жизни сформировалось «базовое доверие к жизни», обеспечивающее оптимистическую установку на мир и людей. Активные детские игры формировали у мальчика инициативность и воображение; общение в семье на двух языках (немецком и русском) стимулировало интеллектуальное развитие. Немецкую гимназию, где давали солидное классическое образование, Владимир воспринимал как тюрьму, но не был подавлен «казенной» дисциплиной и укрепил свою стойкость характера и самостоятельность. Национальное самоопределение юноши Проппа проходило через отвержение прусской гимназической педагогики и неудовлетворенность семейными отношениями в немецко-протестантских традициях. Владимир принял православное крещение и стал считать себя русским. Поступив в 1913 г. в Петербургский университет на германо-романское отделение, Пропп затем перевелся на русское отделение и обратился к изучению русского фольклора. Так завершился этап осознания своей личностной тождественности.

Студенческие годы Проппа (1913–1918) пришлись на первую мировую войну, которая перетекла в гражданскую войну в России. В это время всеобщей неустроенности в жизни Проппа происходит важнейшее событие: он открывает в себе талант. 27 января 1969 г. Пропп записал: «У меня проклятый дар: во всем сразу же, с первого взгляда видеть форму. Помню, как, окончив университет, в Павловске, на даче, репетитором в еврейской семье, я взял Афанасьева. Открыл № 50 и стал читать этот номер и следующие. И сразу открылось: композиция всех сюжетов одна и та же»¹³. Десять лет Пропп будет тщательно исследовать структуру русской волшебной сказки и в 1928 г. опубликует книгу «Морфология сказки», которая через 30 лет принесет ему мировую славу. Как было жить эти тридцать лет этому «затененному» гению в условиях ощущимой бытовой стесненности, преследований со стороны власти и, что самое главное, с его острым пониманием слишком большого несовершенства национальной жизни, в которой люди становятся все хуже? Ответ мы найдем в его творчестве.

Структурный анализ сказки позволил Проппу описать «ген» жанра, который является наиболее универсальным и всеобъемлющим в мировой культуре. «Универсальность сказки, ее, так сказать, повсюдность, столь же поразительна, как и ее бессмертие. <...> Она беспрепятственно переходит все языковые границы, от одного народа к другому, и сохраняется в живом виде тыся-

¹¹ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 249.

¹² Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. С. 147.

¹³ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 327.

челетиями»¹⁴. Пропп писал свою книгу, имея в идеале биологию, в которой богатство видов проявляется как раскрытие, развитие заложенной в организме структуры в меняющихся условиях жизни (трансформацию). И поэтому прекрасно различал то, что сейчас именуется генотипом и фенотипом. Тематическое и образное разнообразие сказки лежит на поверхности, а основа ее порождения, ее ген, скрыт в глубине. «Ключ к сказке кроется не в ней самой»¹⁵, — утверждает Пропп и раскрывает глубинную жизненную структуру: социализацию человека, вхождение его в мир людей и тем самым — в мир культуры. Обряд инициации начинается с действия, а уже действие семантизируется, обретает смысл. И главный смысл в том, что каждый человек должен из потребителя-ребенка превратиться в добытчика, труженика, созидателя, на котором и держится наша жизнь. Человек должен состояться. Этот общечеловеческий ген присутствует в любой волшебной сказке — но трансформируется в соответствии с историческими условиями. Стать полноценным человеком — вот жизненный содержательный момент, который лег в грамматику, а не в лексику волшебной сказки и который может не осознаваться прямо ее сказителем и слушателем, но восприниматься на бессознательном уровне, как мы в детстве осваиваем грамматику родного языка. «Внешность героя никогда не описывается, но слушатель представляет себе его прекрасным. Это идеализированный герой. Его основное качество — бескорыстие. Он действует не для себя, не в свою пользу и не от своего имени. Он всегда кого-то освобождает, выручает. <...> Эти качества нигде прямо не высказываются словами. Они вытекают из действий»¹⁶. Но Пропп далек от того, чтобы считать план выражения бессодержательным, не имеющим отношения к реальности. Поэтому безосновательны и критика работ ученого в духе формализма, и попытки французских структуралистов свести описанные им структуры повествования к чисто конвенциональной природе языка¹⁷. Пропп всегда стоял на земле.

В ситуации, когда реализм воспринимался как прямое тематическое, бытовое и «фотографическое» изображение жизни с назидательным уклоном, позиция Проппа была вызовом официальной науке. Говоря о литературе, он так в целом определял функцию искусства и фольклора в частности: «Литература никогда не имеет ни малейшего влияния на жизнь, и те, кто думают, будто это влияние

¹⁴ Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 26–27.

¹⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 225.

¹⁶ Пропп В. Я. Русская сказка. С. 185.

¹⁷ В трудах постмодернистов труды В. Я. Проппа и М. М. Бахтина принимаются только при условии годности предложенных ими конструкций для любых интерпретаций, что превращает процесс понимания «дискурса» в анархическую игру конвенций. См.: Иванов М. В. Метатекст эпохи взрыва // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. № 2. С. 26–31.

есть и возможно, жестоко ошибаются. «Ревизор» не действовал на взяточников. <...> Литература сильна тем, что вызывает острое чувство счастья. И Гоголь велик не тем, что осмеивал Хлестакова и Чичикова, а тем, как он это делал, так, что мы до сих пор дышим счастьем, читая его. В этом все дело, не в том, что, а в том, как. А счастье облагораживает, и в этом значение литературы, которая делает нас счастливыми и тем подымает нас»¹⁸. И тогда понятно, как учёный объясняет парадоксальность своего осмысления волшебной сказки. С одной стороны, «по сказкам восстановить жизнь русской деревни нельзя»¹⁹, С другой — «в герое волшебных сказок есть самое важное: душевная красота и моральная сила»²⁰. На фабульной поверхности — выдумка, интересные приключения, красивая предметная и природная среда, завлекательные задачи. Но мудрость лежит в «форме», которая в нужном направлении структурирует поверхностный слой повествования. «Сказка — создание древнейших времен, но она содержит некоторую бессознательную жизненную философию народа, представленного рассказчиком»²¹.

Однако «форма» волшебной сказки определяет не только порядок функций. В понимании фольклора Пропп выдвигает идеи, которые созвучны теории хронотопа М. М. Бахтина. Для фольклорной сказки необходима своеобразная «упрощенность», «неперегруженность» построения пространства, времени, образа героя, логической обработки информации. «И пространство и время не знают перерывов, так как это не требуется повествованием. <...> Раз начавшись, действие стремительно будет развиваться до конца. Общего представления о времени нет, <...> есть только эмпирическое пространство, есть только эмпирическое время, измеряемое не числами, днями и годами, а действиями героев. <...> Легко заметить, что они определяются ранними, частично очень архаическими формами мышления. <...> Мышление это в основе своей не причинно-следственное. <...> в фольклоре не требуется указания на причины этих действий или, говоря языком поэтики, не требуется мотивировок»²². «Первично действие, а не его причина. <...> В повествовательном фольклоре все действующие лица делятся на положительных и отрицательных»²³. Художественная ткань сказки соткана в соответствии с характеристиками архаического сознания²⁴. Но в идее Проппа заложена еще одна потенция,

¹⁸ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 316.

¹⁹ Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 106.

²⁰ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. С. 90.

²¹ Пропп В. Я. Русская сказка. С. 184.

²² Пропп В. Я. Фольклор и действительность. С. 95–96.

²³ Там же. С. 98–100.

²⁴ В 1920-е гг. отечественная культурно-психологическая школа параллельно с фольклористами изучала характеристики архаического мышления. См.:

которую он скорее обозначил. Речь идет о месте сказки в становлении детской культуры. Эту идею попытались подхватить фольклористы и психологи. Например, ученица Проппа О. Н. Гречина и ее дочь М. В. Осорина (специалист в области психологии) стали исследовать психотерапевтическую функцию детских страшилок²⁵. Но фольклорная волшебная сказка получила свою укорененность в современной культуре не только через трансформацию в литературных жанрах. Есть основания считать, что сказка в своей первозданности легла в фундамент любой культуры в качестве обязательного первого возрастного этапа освоения мира, так как структура сказки соответствует типу мышления в раннем возрасте любого ребенка. «Культурно-психологическая рекапитуляция обеспечивает проверенное тысячелетиями наиболее щадящее приобщение ребенка к социальным ценностям»²⁶.

Исследование волшебной сказки Проппом осуществлялось в 1920-е гг., когда, в его представлении, проходила неясная, но уродливая трансформация жизненных устоев. Истинная же трансформация исходных структур подчинена законам красоты и справедливости — как в волшебной сказке. Неустранимое ее присутствие во всех современных культурах укрепляло веру в добрую основу человека и надежду на лучшее будущее. Настоящее же требовало от ученого безопасной самоизоляции, терпения и поисков радости в работе. 1930–1940-е гг. принесли Проппу немало бед. В 1932 г. он был арестован и девять месяцев провел под следствием по нелепому поводу. И незадолго до смерти Пропп записал: «Юбилей ГПУ с музыкой и спектаклями, а те, кто видел наши застенки (я видел и кое-что знаю), только могут, что сидеть по углам и быть незаметными»²⁷. Но быть незаметным Проппу не дали. В 1946 г. началось государственное погромное преследование «бездонных космополитов», к каковым был причислен и Пропп²⁸. Итог проработок он подвел так в письме от 2 декабря 1953 г.: «У меня был инфаркт, сердце надорвано, и я полуинвалид, но духом и умом пока бодр»²⁹. Вместо попытки уйти в тень Пропп выехал в «чисто поле».

Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1931.

²⁵ Гречина О. Н., Осорина М. В. Современная фольклорная проза детей // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20: Фольклор и историческая действительность. С. 96–106; Осорина М. В. «Черная пропыльня летит по городу», или Зачем дети рассказывают страшные истории // Знание — сила. 1986. № 10. С. 43–45.

²⁶ Иванов М. В. Волшебная сказка в контексте психологии и культурологии // Психология образования в поликультурном пространстве. 2014. № 2. С. 123.

²⁷ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 316.

²⁸ Методичность угрожающего давления властей с большой полнотой описана в издании: Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-годы. Документальное исследование: в 2-х т. М., 2012. Т. 2. С. 96–105.

²⁹ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 175.

В 1955 г. он опубликовал книгу «Русский героический эпос», которая до сих пор является наиболее полным исследованием русских былин. Пропп последовательно проводит идею: народный социальный идеал мужественного свободного труженика особенно запечатлелся в структуре сказаний об Илье Муромце и Микуле Селяниновиче, что и придает красоту и убедительность образам далеких от бытового правдоподобия гиперболизированных героев, делает их символом бессмертия. «Крестьянский труд, крестьянская сущность <...> неразрывно связаны со всем существом Ильи»³⁰. «В лице Микулы воспевается, однако, не только величие крестьянского труда. Труд совершается в известных социальных условиях, и об этих условиях народ также имеет свое мнение. <...> Микула пашет на общинной земле <...> былина рисует то положение, которое крестьянин считает для себя идеалом»³¹. «Основной смысл песни состоит в противопоставлении крестьянина князю, в посрамлении князя и возвеличении крестьянина»³². Значит, здоровый исторический ген русской нации сохранен, несмотря на социальную реальность, изуродованную многовековой диктатурой власти. Автор трудов о волшебной сказке находил в себе силы жить и надеяться, видя вечное и неустранимое общечеловеческое стремление к самореализации и справедливости. Автор книги о русских былинах помещает уже свой национальный идеал в эпохальное, историческое измерение. В нем этнический тип русского человека не искажен попытками превратить свободную личность в раба.

Последние 15 лет своей жизни Пропп видит, как растет признание его трудов и в отечественной, и в мировой науке. Прекращено преследование по идеологическим мотивам, несколько улучшилось его материальное положение. Но окружающая ученого жизнь вызывала у него грустные мысли. «Не все равно, как ты входишь в дверь, как садишься на скамейку в вагоне, как держишь руки, как смотришь и говоришь. А у нас? Вместо радости труда — изнурительная многочасовая работа, от которой люди тупеют и звереют»³³. Однако мысль обращается к глубинной национальной традиции: «Поражает древнерусское умение жить в высоком, что вовсе не исключает житейского, а придает ему тот особый склад и ритм, который отличал старую русскую жизнь»³⁴. И Пропп в 1963 г. издает книгу «Русские аграрные праздники», синтезируя поведенческий (ритуальный) и фольклористический аспекты исследования. Контраст тяжелой бытовой жизни крестьян и их иде-

³⁰ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 242.

³¹ Там же. С. 381.

³² Там же. С. 387.

³³ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 317.

³⁴ Там же. С. 225.

альных стремлений преодолевается бытием культуры праздника. Лучшие, светлые потребности простых людей не подавлены, а закреплены в реальном поведении, пусть и ограниченном кратким временем свободы от тягот обыденности. (Параллель с исследованием карнавализации у М. М. Бахтина налицо. Но Пропп шел своим независимым путем и еще в 1939 г. опубликовал статью «Ритуальный смех в фольклоре»³⁵). «Вторая часть русских колядок — величание. Хотя детали этого величания — серебряный тын, солнце, месяц и звезды, богатые подарки не имеют непосредственного магического значения, самый акт величания его имеет. Вместо реальной крестьянской бедности — фантастическое богатство; крестьянская рабская зависимость заменена описанием власти, могущества и свободы»³⁶. Вера крестьян в возможность богатой жизни сочеталась с верой в ее бессмертие. «Семя — растение — семя составляют извечный кругооборот, который свидетельствует о нескончаемости жизни. Путем еды к этому процессу приобщаются люди»³⁷.

Пропп сосредоточен на идее бессмертия природы, которое продолжается в животворном начале и бессмертии культуры — общечеловеческой по корню и национальной по историческим формам. «Дневник старости» Владимира Яковлевича становится удивительным дневником мудрости, которая несет в себе заряд оптимизма. Поэтому в книге о русских аграрных праздниках Пропп уделяет большое внимание ритуальному смеху. «Смех возможен только там, где есть жизнь. Радость смеха есть радость жизни»³⁸. И последняя подготовленная Проппом книга, изданная уже посмертно, называется «Проблемы комизма и смеха». В ней Пропп показал опимистическое слияние природы и культуры в смехе: «В насмешливом смехе нас радует победа морального характера, в радостном смехе — победа жизненных сил и радости жизни. Чаще всего оба вида смеха сливаются в один. Смеется всегда только победитель, побежденный никогда не смеется. Моральный, т. е. обычный здоровый смех нормального человека есть знак победы того, что он считает правдой»³⁹.

4 февраля 1965 г., на пороге семидесятилетия, Владимир Яковлевич Пропп написал в своем дневнике: «Пока есть природа, невозможно быть абсолютно несчастливым»⁴⁰.

³⁵ Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. 1939. № 46. Сер. филол. наук. Вып. 3. С. 151–175.

³⁶ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (опыт историко-этнографического исследования). СПб., 1995. С. 53.

³⁷ Там же. С. 26.

³⁸ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 111.

³⁹ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 152.

⁴⁰ Неизвестный В. Я. Пропп. С. 306.